

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН

Потаённое небо

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
С65

Сорочкин В. Е.

С65 Потаённое небо / Владимир Сорочкин. – М. : Издательство Российского союза писателей, 2016. – 140 с. (Серия : Лауреаты премии «Народный поэт»).

ISBN 978-5-906826-14-5

«Потаённое небо» – четвёртый сборник Владимира Сорочкина, в который вошли стихи разных лет.

В своих произведениях автор следует традициям русской классической литературы: много и мастерски пишет о природе, размышляет о сути поэтического творчества, приоткрывает читателю дверцу в свой внутренний мир, делаясь воспоминаниями и размышлениями. Вера в любовь и преданность чувствам – основные темы его стихотворений.

В 2015 году Владимир Сорочкин стал лауреатом литературной премии «Народный поэт». Эта книга издана Оргкомитетом премии в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

Потаённое небо...

Потаённое небо вишнёвого цвета
Разольёт осторожно – волна за волной –
Тёплый чай утонувшего в зелени лета –
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи – не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! – и не будь так строга и предвзята. –
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

Кроны сосен

Кроны сосен, словно невод,
Лишь нащупывая дно,
Процедили наше небо –
С облаками заодно.

И, почти придя в упадок,
Сквозь игольное ушко
Лето рябью голых пяток
Через озеро ушло.

Но ещё деньком последним
Задержалось по пути
И, скользя по соснам медным,
Улыбается: прости!

Знаешь, пряча в клетках пледа
Грозовой озноб разлук,
Я едва ль забуду лето,
Ускользнувшее из рук.

Пусть уходит остальное,
Но ещё, как тихий скит,
Это озеро льняное
Нас с тобою приютит. –

Там, где солнце на ладони,
Где, не чувствуя вины,
Кроны сосен, точно клоны,
В небеса устремлены.

Верхний Судок

Эта речка бежит, как подранок,
По оврагу, вдоль топкой тропы. –
Никуда ей не деться из рамок
Берегов и бетонной трубы.

Неказиста и неприхотлива,
Знай – свои обдирает бока. –
Даже в бурную пору разлива
Не бывает она глубока.

Но и ей, неуёмной, по нраву –
В пору тёплых туманов и гроз
Напоить и деревья, и травы,
Приютить плавунцов и стрекоз,

Пригубить из весёлой криницы,
Из болотины взять тишину,
Прожурчать, прозвенеть, проструиться
И сорваться – с разбега – в Десну.

Июльская гроза

Вкус лета безнадёжно горек,
Вот и сейчас, подмяв дома,
Гроза обрушилась на город
Ордой, сошедшею с ума.

Опять сверкнуло по соседству, –
Как волны, бьющие в причал,
Пытливый град, подобно сердцу,
По пыльным стёклам застучал.

И, грохоча машинкой швейной,
Над параллелями квартир
Вода пробила день ничейный
Сплошным потоком чёрных дыр.

Ни сожаления, ни спора...
Как бесконечен этот дождь!..
Наверно, ты вернёшься скоро, –
На землю грешную сойдёшь...

Светлячок

Светлячок горит вдали от сплетен,
Без особых мыслей в голове, –
Он до неприличия заметен,
Под ногами путаясь в траве.

Всяк влюблённый – капельку придурок,
Так и он являет свой задор,
Словно непотушенный окурок
Или непогасший метеор.

Спят во мраке города и веси,
Но на перекрёстках всех годин
Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.

И моргает часто-часто-часто
Зоркий проблесковый маячок:
«Вот он я! – светящийся от счастья
Дурачок!»

Зной

Дорога шла туда, где начинался зной,
И собственную тень притаптывали ноги.
Лес крался по бокам, и воздух слюдяной
Тлеет над песком прямой, как долгий взгляд, дороги.

Вдоль просеки, едва покачиваясь, плыл
Свод сосен и берёз, оттягиваясь мимо,
И радужница, сев в накатанную пыль,
Была, как всё вокруг, – чиста и недвижима.

Всё замерло на миг, протяжный, как юла
В движении своём на месте без запинок,
И бронзовый испод застывшего крыла
Сравнился с чешуёй обветренных песчинок.

Казалось, что вот-вот, и лес и высота
Смешаются, совпав в частицах и ионах,
Найдя единый тон, пролившись, как вода,
Вобравшая цвета от синих до зелёных.

Казалось, жар сейчас сомкнётся, завладеет
И всем и вся окрест – потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги своя и твердь, и небо...

Сирень

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьёт остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Моё нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чём не виноват,
Но – посмотри, как – изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали. –
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали. –

Так неразрывны и просты
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

Поздняя весна**1**

То снег пойдёт, то снова прекратится,
Забившись в тень пролесков и лощин. –
Так и душа играет и томится,
Порой тому не ведая причин.

Ей хочется увидеть всё иначе,
Она всё ищет скорые черты
То кругового, жгучего ненастья,
То светлой и холодной чистоты.

2

Ольха, берёзы... Сонная дорога...
Колёс замысловатые следы.
И там, и здесь мелькают одиноко
Плешины грязи, снега и воды.

В прозрачной дымке солнышко зевает.
Казалось бы, что сутки напролёт
Природа спит и не подозревает,
Что с ней уже вот-вот произойдёт...

3

Стрекочут галки – коротко и бегло.
Хранит весна дыхание зимы,
Но тает снег – необычайно белый
На фоне оголившейся земли.

Немногословен день, – ему знакомы –
С избытком – и тепло и холода.
...Всё будет, вот увидишь, по-другому, –
Не так, совсем не так, и – как всегда.

4

Не видно ни распутицы, ни снега, –
Стемнело, и вокруг разлился мрак,
Лишь теплится полуночное небо
Пронзительными звёздами – с кулак,

Да фонари покачивают зданье
Вокзала, спотыкаясь и дробясь. –
И можно загадать одно желанье,
Пока звезда с небес не сорвалась...

Скарабей

«Не позорься в жизни этой – будет легче в жизни той», –
 Так сказал, теряя зренье, мне слепой Мао Цзэдун.
 С той поры живу, как учит этот старый монархист,
 Эта жертва провиденья, вольнодумец и святой.
 И, подобно скарабее, в тишине песчаных дюн,
 Свой язык перелагаю на шуршание и свист

И качу свой шар тяжёлый от погоста на погост,
 С ним боясь вдвоём остаться, умираю по звезде,
 Что держу в руках на небе и её вдыхаю медь,
 И теряю – что – не знаю, точно ящерица хвост,
 Выходя из разных женщин, не печалюсь о хвосте.
 Если будет жизнь короче – то длиннее будет смерть.

Между делом заплетаешь, точно сеть, зелёный плющ,
 Режешь лезвием колбасным перочинный бутерброд
 Или дремлешь под жужжанье своего веретена,
 И звезда, что станет светом, лишь замрёт последний луч,
 Заговаривает зубы и заглядывает в рот,
 И невольно смотришь в точку, где появится она.

Не впервые мне с овчинку небо видится в уме,
 Не впервой хватать глазами мне уголья из костра.
 Я нашёл её за долгой мглой резиновых зеркал,
 Безразмерных, как рейтузы тёти Лошади у М.
 С двух сторон стекла стояли тени: дочка, мать, сестра –
 Как одно, и непонятно, кто кого из нас искал.

Заливает амальгама говорящие уста,
 Но движений не стесняет то, что прячется внутри.

Я могу сказать о счастье, сам не зная – это что.
 Я опять возьмусь за шарик сразу, как дойду до ста:
 Раз – два – три – четыре – восемь – восемнадцать – двадцать три,
 Двадцать восемь – двадцать девять – девяносто девять – сто.

Знаю: бедственно пригоди в ранних сумерках глаза,
 Что мгновеньям и минутам свой ведут особый счёт,
 Умножая горстку суток на цветочную пыльцу,
 На пылинки сладкой муки и муки. Когда оса,
 Шершень, шмель, пчела колдуют вместе с ней над чашкой сот,
 Я не смею прикоснуться к вдохновенному лицу.

И ничто в сравненье с этим даром все мои дела,
 Даром мухи засидели каждый мой благой порыв,
 Превращая – в негативе – в остов Млечного пути.
 Я качу, качу свой шарик, не деля с ней ни стола,
 Ни рассохшегося ложа, только время – вкось и вкривь,
 Как умею, как учили до избытка тридцати.

Я не волк, что сыто смотрит в близлежащий лес, но пёс,
 Крюк свершающий в пространстве по кратчайшей из прямых –
 Между альфой и омегой, между небом и землёй,
 И бросаемый вдогонку, но поставленный вопрос:
 «Кто-куда-зачем-откуда?» – обгоняет нас, хромым,
 На полхолки, отливая свежекрасшеной змеёй.

Языком играя, точно девкой уличной на вес,
 В ослепительной одежде бытового словаря,
 Я в карманном поцелуе, как мальчишка, прячу клад,
 Фантов, пуговок, монеток с чьим-то профилем и без,
 Даже в блеске звёзд молочных мишуру боготворя,
 Замечая в каждой капле пятки крохотных наяд.

Средь песка, что гонит ветер, я уже неистребим:
Там мой след уходит в землю и белеет чья-то кость.
Хорошо, что я не знаю наизусть её лица,
Я б иначе не решился вдаль тащиться за слепым,
Завещая запах меди, чёрный шарик, мёртвый хвост
И слова последней песни: «Линца-дрица гоп-ца-ца!»

Из холодной зимней стыни...

Из холодной зимней стыни
Слышные едва
Долетят слова пустые,
Лишние слова.

Разорвало время сети.
Что же – в добрый час!
И слова отныне эти –
Знаю – не про нас...

Но, сухие, как горошек,
Как глухие дни,
Из простуженных окошек
Сыплются они,

Рвутся из-за каждой двери
В снежный нежный хлам.
Я давно уже не верю
Никаким словам.

Их ветра наколдовали,
Только снова всё ж
Слышишь то, что вслух едва ли
Вновь произнесёшь.

И звучит, звучит сквозь вьюгу,
Вслед, из-за спины:
Мы ещё нужны друг другу,
Мы ещё нужны...

Черёмуха цветёт

Как ночь черна! Черёмуха цветёт,
И кажется – за неимением веры, –
Что в этом городке – наперечёт
Знакомы мне все улочки и двери.

Я здесь – впервые. В мареве весны
Пусты глухие окна, как стаканы.
Спит городок. И сны ему тесны,
Но так наивны и благоуханны.

Лишь нависает влажною стеной
Черёмуха, обрушиваясь в плаче.
Ты – далеко. Ты даже не со мной.
Ты – там, где всё иначе. Всё иначе.

Как ночь черна в углах зелёных ниш!
Как жжётся запах, ластясь пеленою...
Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь
И эту ночь рассеешь надо мною.

Разлука

Разлука меня измотала,
Как будто, сливаясь в огне,
Тяжёлые капли металла
Тебя выжигали во мне.

С дыханьем рвалась ты наружу,
И мне не хотелось дышать,
И можно – казалось бы – душу,
Как слиток, в руке подержать.

Когда-то алхимики так же,
Иного не зная греха,
Испачкавшись в угле и саже,
Крестясь, раздували меха,

И с тихой улыбкою счастья
Молились на образ святой,
И серый свинец превращался
В сияющий луч золотой.

Брянские волки*Аркадию Курдикову*

Ушедшие поэты...

Стали строже

С годами лица их, и судеб миг.

Дрожжин, Денисов, Козырев...

Но кто же

Из них дороже?..

Холодок по коже

Проходит, лишь подумаю о них...

Стихи их были – точно – с кулаками,

С клыками даже – от избытка сил

И от любви, копящейся веками...

Не зря в романе «брянскими волками»,

Любя их, Юрий Фатнев окрестил.

Они до жизни были очень хватки,

Ложь не терпя, не ластясь ко двору...

Ты знал все их ухватки и повадки,

Знал цену дружбе – с этим – всё в порядке –

Знал – как никто – свой в стае, и в миру.

Просты в быту, но в творчестве – велики,

Они прошли по жизненной меже

Красиво, трудно, в лёгком кураже...

Благодаря тебе живут их лики,

Их голоса звучат в твоей душе.

Поэт, как волк, охотится ночами

На строчки, устремляясь к небесам,

Один, в своём неведомом начале.

Они ушли, а волки измельчали –

Не те уже волчата, знаешь сам.

Пред творчеством твоим снимаю шляпу.

И серым братьям отдавая долг,

Пойдём и мы – в их стаю, по этапу –

Когда-то – по невидимому трапу...

Позволь пожать твою большую лапу,

Мой милый друг – последний Брянский волк!

Сальто-мортале

Огни потушит цирк.
Под купол – по привычке –
Душа взлетит под чирк
Воспламенённой спички.

Ни запахов. Ни слов.
Ни чувств. Ни разговоров.
Ни клоунов. Ни львов.
Ни пони. Ни жонглёров.

«Аншлаг!» – курсив, петит.
Две даты под табличкой.
Лишь фокусник стоит,
Светя горящей спичкой.

Чёрное и белое

I
Страшнее тьмы – всё та же тьма.
Зола – бессонница – болото.
Пустая почта и зима
Почти в канун солнцеворота.

И ночь не та, и сны не те.
Их нет! За серостью подённой
Ты спишь в кромешной темноте
Комочком тьмы новорождённой.

II
Снег... Неизбывно долгий снег
Идёт сплошной стеной, нелепо
Скрыв без прогалин и прорех
Овчинку сжавшегося неба.

Так светел только белый вихрь
На пустыре пропавших улиц,
Как будто души всех живых
На землю мёртвую вернулись.

Полутень

Застыв, ещё блестит металл
Сгорающих светил.
Что ветер не добормотал,
То сад договорил.

Листвы скукожившийся кров
Всю ночь шумел – по ком?..
Рассвет наполнен до краёв
Невнятным шёпотком.

В прохладе утренней слова
Слетают с языка,
Как тень размытая – едва
Затеплится строка.

Свет заговаривает тьму,
Скользя за ней – след в след...
Но не нужны слова Тому,
Кто создал тьму и свет.

Ирий

Как птички, клюющие иней
С рябиновых горьких драже,
Мы смотрим на призрачный ирий,
Открытый пернатой душе,

Грустим в предвкушении манны
Небесной, на случай нужды
Пакуя свои чемоданы,
Которые там не нужны.

Октябрь

Нашим встречам прописан постельный режим,
Потому что октябрь, с каждым днём не прощаясь,
Каждый день не прощает; что мы не решим,
Он за нас порешит, за себя не ручаясь, –

Слишком быстро; быстрее, чем дано одному
Часу, месяцу, времени года и году,
И голодное небо спешит по уму
Просветлеть, просветить, не греша на погоду,

И неважно какую... Что будет – то есть.
Несуразные дни на все пуговицы, пряжки –
То есть – трезво застёгнуты, чтобы прочесть,
Чтобы выучить правила чёрной горячки. –

Всё, увы, как не надо – почти и едва;
Мы всего только делаем осень, чьи платья
Носит голый король... На постели – листва,
И дождём размывает тела и объятия.

Дни без тебя

Дни без тебя дождливы и просты.
Их против шерсти так привычно гладить.
А дождик можно в косу заплести
И сбоку бантик жёлтенький приладить.

В миноре по верёвке бельевой,
Стекают капли азбукою Морзе
На листья, на асфальт полуживой.
А ты самозабвенно пишешь: «Море...»

И ввечеру уже не разобрать,
Какое дождь нашёптывает имя
И что кропает в мокрую тетрадь
Тягучими линейками своими.

Люблю тебя

Я не стану просить пощады,
Несусветного обещать. –
Не смогу я любить, прощая,
Слишком просто – всегда прощать.

Кто ж проверит – что будет дальше,
Но душа забывает страх,
Слыша нотки игры и фальши
В осторожных твоих словах.

Разве сложно, моя родная,
Обрывать столь привычный след,
Свет вдыхать твой всей грудью, зная,
Что вот-вот и погаснет свет.

Ни изверившись, ни отчаясь,
Но безвыходно так порой
Понимать, что уже прощаясь
Я люблю тебя, ангел мой.

Какой портной...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

Пусть холодная тень...

Пусть холодная тень пробежит по судьбе,
Но лишь станут прочней нас связавшие нити.
Как легко каждый миг вспоминать о тебе –
Невесомой, как летнее солнце в зените.

Эти дни, словно сны пролетают, и в них
Остаётся надежда сияющим следом.
Как легко о тебе вспоминать каждый миг
Бесконечного дня, осиянного светом.

Не хочу ничего забывать и менять.
Не прервётся горчащая память живая.
Как легко каждый миг о тебе вспоминать,
Нити солнца в волшебный клубочек свивая.

В гости к дракону

– Что ты ломишься в двери, срывая засов?
Как нашёл ты наш замок в высоких горах?..
– Я старинного друга проведать зашёл –
Эту жирную жабу о трёх головах.

– Нелюдим наш барон... Он от всех вдалеке
Постигает земные законы из книг.
– Мы не всё с ним допили вино в погребке.
В прошлый раз я припрятал бочонок в тайник.

– Господин разорён. Ничего больше нет.
Славный род их теперь безнадёжно заглох...
– Я был должен дракону сто звонких монет
И хотел бы ещё попросить под залог.

– Видеть он никого не желает, уволь...
Торопись, ты успеешь домой дотемна.
– Молодую жену у него я увёл
И хочу сообщить, что сбежала она.

– Господин мой хворает и будет не рад,
Если кто-то его переступит порог.
– В прошлый раз я в бокал ему высыпал яд.
Неужель до сих пор он ещё не подох?

– Уходи... Он за нами следит из-за штор...
Может, что-то ему передать на словах?
– Ты скажи, что я друга проведать зашёл –
Эту жирную жабу о трёх головах...

Озеро**1**

Слишком долгой казалась дорога: за ствол
Укрывались рядами стволы, куролеса,
Но откроется озеро сквозь частокол,
Сквозь рябой полумрак поредевшего леса.

И отступит разлапистый полог, и свет
Припадёт к серебристой, расплавленной толще,
Повторяя, как зыбкий живой трафарет
Поднебесье, себе заглянувшее в очи.

Чуть заметная рябь по воде – на бегу
Затуманит, размочит поверхность, а с нею
И полоску деревьев на том берегу,
Заострив их и делая вдвое длиннее.
Будет нечто иное, чем слой мишуры
В близлежащей осоке, омытой волною,
И свинцовый, как пуля, дурной от жары
Первый овод из влажного вынырнет зноя...

Но ничто не затронет свечения дня,
И не сможет разъять неразрывные части. –
И покоится озеро, хрупко храня
Бесконечность и тлен, тишину и ненастье.

2

Три двора, простоявшие век у воды,
Доживают свои предпоследние годы,
И спускаются к берегу ближе сады,
И зелёной ботвой шелестят огороды.

И дома задыхаются, чувствуя плен
В окружении сосен, берёз и лещины,
И на чёрных квадратах бревенчатых стен
Свет и тень неразлучны и неразличимы.

Парой ходят телята, косятся на двор,
И мычат, прибегая к единому слогу,
И окошки, как мутные бельма в упор,
Не моргая, глядят на пустую дорогу...

3

Промелькнув над водою, тяжёлой, как сталь,
Вдруг появится бабочка, падая круто
На траву – лоскутком, заслоняющим даль,
В никуда устремлённая из ниоткуда.

И опустятся крылья, как сколки слюды,
Что постигли пространство и время углами,
Ловким циркулем меряя толщи воды,
Окаймлённые вкруг вековыми стволами.

И в создании хрупком, на лист резеды
Разомкнувшем свой контур с рисунком размытым,
Будет столько же чуда, души, красоты,
Как и в озере, светлой слезою пролитом.

И поэтому сможет домысливать взор
Впредь – все тайны земли, все глубины под ними,
Посмотрев лишь однажды на этот узор,
На безмолвные крылышки в радужном дыме.

И колыхнется бабочка, воздух, вода,
 Как всё то, что не в силах умолкнуть, утихнуть,
 Замереть; то, что есть, но чего никогда
 И душой не понять, и умом не постигнуть...

4

Всяк своё разумеет, берясь по уму
 Толковать бытие и прикидывать сроки.
 Никакое «зачем», «отчего», «почему»
 Не нужны тишине, берегам и осоке.

Вновь появится бабочка, близко к воде,
 Промелькнёт, не ища виноватых и правых,
 Пролетая, как жизнь, – рядом, близко, нигде
 Не оставив следа на деревьях и травах...

5

Мир почти неизменен, но зыбок, и – глядь –
 Уходящее, как бы почует во прахе.
 Взгляд, когда-то смотревший на водную гладь,
 Ныне видит исписанный ворох бумаги.

И по мере марания белых страниц,
 Равнодушно усвоивших буки и веди,
 Удаляется озеро, падшее ниц
 Перед небом и мыслью растёкшись по тверди.

И оттуда, из памяти, издалека
 Проступает, собой подменяя реченье,
 Как пятно, что на зеркале потном рука
 Оставляет, пытаясь спасти отражение...

Ты приходишь дождём...

Ты приходишь дождём, ты себя не жалеешь совсем.
 Ты становишься явью, окутанной терпкими снами.
 Но, чем ближе хотим мы друг к другу приблизиться, тем
 Всё безбрежнее пропасть невольно встаёт между нами.

И, как будто, пульсируя, дни обращаются вспять,
 Оплывая тягучей водой по иссечённой раме,
 И, когда я к тебе прикасаюсь – опять и опять
 Разрывается небо, утробно играя громами.

Ты приходишь дождём, неразрывной сплошной пеленой,
 Ты смываешь ту ложь, что минувшие годы не смыли,
 А когда исчезаешь – вокруг растекается зной,
 Оставляя меня задыхаться в потерянном мире.

Но мне страшно тянуться к тебе, преступая черту,
 Чтоб прильнуть, чтоб уткнуться незряче в продрогшую шею,
 Чтоб не видеть в зрачках твоих трепетных ту пустоту,
 Что собою заполнить уже никогда не сумею.

Облака

1

Смотри – по небу облака
Усталые парят.
Им плыть и плыть ещё, пока
Их различает взгляд.

Им плыть и плыть ещё во мгле,
Как в детстве, как в тот час,
Когда на этой вот земле
Уже не будет нас.

2

Они чисты, они летят
В лазоревой глуши,
Как чувства, что не тяготят
Ни тела, ни души.

Они легки, как детский вздох,
Им горек груз земли,
Как череде былых эпох,
Растаявших вдали.

3

Какая разница – пока
Мы вместе или врозь,
Пускай уходят облака,
Как то, что не сбылось,

Как сны, как дерзкие мечты –
По счёту: раз-два-три –
Уходят облака, и ты
Смотри им вслед... смотри...

Безмолвны лес и сжатые поля...

Безмолвны лес и сжатые поля.
Легко брести по жёлтому безлюдью.
Река стремится к устью, а земля
Уже вдыхает осень полной грудью.

И в тишине, над лепетом раки,т,
Летит по небу крошечная стая, –
Так нестерпимо медленно летит,
В пронзительную точку вырастая.

Склонюсь у тропы...

Склонюсь у тропы... Нога
Чужие примнёт следы.
Из слёзного родника
В ладонь зачерпну воды.

Дохнёт чистотою глубь,
Затерянная в лесу,
И капли, сорвавшись с губ,
Просыплются на листву,

На землю, и дальше – вниз
Уйдут, соскользнув туда,
Где лес над тобой повис,
И тело твоё – вода.

Ночной звонок

Прохожу под стекольный звон
В расцарапанный таксофон;
Рукавами, пустыми вдрызг,
Невесомый вращаю диск.

Три, четыре, и два, и пять
Бесконечно хочу набрать,
Но сквозь гул отвечает мгла:
«Эта женщина умерла...»

– «Извините! – кричу в провал. –
Я опять не туда попал...»
Шепчут, трубку не положив:
«Неужели ещё ты жив?..»

Зеркало

1

Светла глубиною небесная гладь
 От ливня до ливня.
 Ничто нас не сможет вдвоём удержать,
 Связав неразрывно.

Мы входим, плутая, в другой окоём
 Над бездной мирскою:
 Я – горькою солью на теле твоём,
 Ты – пеной морскою.

Мы ищем друг друга у крайней черты,
 Как малые дети
 Живя так, как будто ни я и ни ты
 За жизнь не в ответе...

2

Когда я гляжу на тебя – не дышу,
 Тоскуя по раю.
 Я в следующей жизни тебя отыщу
 И не потеряю.

Другими окажутся жизнь и судьба:
 Ты будешь со мною –
 Во мне, точно в зеркале, видя себя –
 Иным и иною. –

Тогда, проходя, словно ветер в окно –
 Коротким движеньем
 Сольётся твоё отраженье в одно
 С моим отраженьем.

Жар-птица

Этот сон всё равно повторится,
 И не раз, и не два, и не три:
 Пролетит тёмной ночью жар-птица,
 Обжигая меня изнутри.

Не проронит ни крика, ни слова,
 Только яркой блеснёт полосой
 Над соломой безмолвного крова,
 Над притихшей зелёной росой.

Полыхнёт и угаснет без срока,
 Превращаясь в рассыпанный чад,
 Унося за собою высоко
 Этот дом, этот луг, этот сад. –

Только жизнь и оставит, безмолвный
 Для тебя открывая рубеж,
 Чтоб искать ослепляющих молний
 Посреди беспросветных небес.

Музыка**I**

Всё это город – бесконечный,
 Как реки, мутный,
 Как воды, загнанный, кромешный,
 Сиюминутный.

Всё это город – неизменный,
 Сырой, – тем паче,
 Вода, зачерпнутая жменей,
 Течёт сквозь пальцы...

II

Сгибаясь на прожжённой жести,
 Скользя по пене,
 Созвездья, собранные вместе,
 Не знают тени.

И оползает свет, отброшен
 Назад с оглядкой,
 Куда-то к центру от обочин
 И мути гладкой,

И небо тлеет, заедино
 Коптя с откоса,
 Как масло в лампе Аладдина...
 «Сезам, откройся!..»

III

Мотив, сулящий непогоду
 Своей печалью...
 Такой и кончится, но с ходу
 Скользнёт к началу.

Он рассыпается охотно,
 Считая долгом,
 Съедая звуки безотчётно
 Единым вдохом.

Ещё не игранный по нотам,
 Шуршит лавиной,
 Смешением, водоворотом
 Штрихов и линий,

Сбегает далее, сгоняя
 Свои длинноты, –
 Вперёд, вперёд, не сохраняя
 Последней ноты...

Мотив... Мотивчик заурядный –
 Воздушный, медный,
 Пустой, расхристанный, всеядный,
 Всенепременный...

Он весь дрожит, но тем и светел,
 Что тщится плакать...
 Он только дождь... Он только ветер...
 Он только слякоть...

IV

Иглы простуженной хрипенье
 На чёрном круге:
 Щелчки, шипящие поленья,
 Шуршанье вьюги.

По сбитой кромке пики, крести,
Дымок ночлега,
Огни, топтание на месте,
Скрип, запах снега.

Поля с притёртыми углами,
Ручей в овражке,
И кони прядают ушами
В одной упряжке.

Хрипит игла, летит по следу,
Сбиваясь к ночи.
Дорога тянется – и нету
Её короче.

Наперерез пылит, не зная
Преград, и прямо,
Опять по кругу, пожиная
Золу и пламя.

И голос – где-то рядом, может,
На том овале,
В просвете, где ударил молот
По наковальне...

Прервись, запомняй, не дай же
Коснуться ада...
Помилуй мя... Не надо дальше...
Уже не надо...

Капля

Прими всё то, что видишь: жизнь мала,
Чтоб ей успеть сложиться по-иному...
Скрипит сосна. По свежему излому
Стекает тёплой каплею смола.

Пройдёт немало времени, пока
У ног твоих взамен смолы пустячной
Из-под волны, небрежной и прозрачной,
Сверкнёт янтарь, застывший на века...

Поэты

Когда, ослеплённая светом,
Земная царит круговерть,
Рождаются в мире поэты,
Чтоб песни весёлые петь.

Им выслана солнцем дорога,
Их ангел несёт на крыле...
Но песен счастливых немного
Я слышал на этой земле.

Когда разрывают планету
Раздоры, война и чума,
Рождаются в мире поэты,
Чтоб мы не сходили с ума.

В их строчках былое сойдётся
С грядущим, но, врезав под дых,
Безумное время смеётся
Над грустными судьбами их.

Сгорают, как свечки, сгорают
Поэты, и, вскинув чело,
Поют и, как будто не знают –
Зачем, для кого, для чего...

Воздав и победам, и бедам,
Лишь Слово – сильнее меча.
И новым затеплится светом
Спасённого мира свеча.

И звёзды сомкнутся над нею,
И пламенем станут огни. –
Чем судьбы поэтов темнее,
Тем ярче сгорают они.

И новые будут рассветы,
И ангела вздрогнет крыло...
Рождаются в мире поэты.
Зачем, для чего, для кого...

Лю**1**

Ты улетаешь... – День, листок
Календаря, блошинный рынок,
Обмолвка, крохотный отрывок,
Закат, восток,

Тщета, не ставшая сумой,
Душа, бежавшая из рая, –
Ты улетаешь, замирая
В себе самой.

Ты, торопясь средь бела дня,
Здесь, рядом, рук не покладая,
Кружишь, меня не покидая,
Но – уходя...

Из ста названий ни одно
Не прижилось к тебе... Так с миром
Лети туда, где будет милым
Луг, сад, окно. –

Ни тайны имени, ни ложь,
Что может радовать, латая
Прорехи судеб, улетаая,
Ты не возьмёшь.

Тем и легка ты, что из стен
Ты удаляешься, чтоб этим
По желтизне побелки – светом
Оставить тень.

2

Мир точно лопнул... Так слеза
Ломает зримое – насколько
Крупницы, дребезги, осколки
Слепят глаза.

Но жизнь не сдвинулась: на ней
Любое рубище сгодится,
И сахар, брошенный в водицу, –
Чем не елей?..

Себя не тешил я, и то –
Как бабка надвое сказала, –
Всё, что нас некогда связало,
Увы, мертво... –

Ночь, день, залитый молоком,
Потёмки, утро, вечер, дебри,
Крест, нацарапанный на двери
Сухим мелком, –

Огарки, бусы, нагота
Души и тела, горечь, чары,
Раздолье, пьяные базары,
Круг и черта...

Рванём по новой – в омут, в пляс
Всего и вся, бездумно, шало...
Но это было, и сначала –
Я, право, пас...

Нам и не должно повезти
 Стать неким целым: однобоко
 То, что улавливает око, –
 Уже не ты.

Да что тут... По течению лет
 Давно морями стали реки
 По капле – из варягов в греки –
 Сойдя на нет.

Засим и нынешний их труд
 Разнится с некогда искомым,
 И зуб неймёт то, что шеломом
 Не зачерпнуть...

3

Лети, лети... Пускай горчит
 Цветок ли, ветер ли, – отныне
 И присно – жажда вспять, пустыня
 Нам не грозит.

Так вьётся ласточка в полях,
 Прохладу крыльями черпая,
 Туда себя не допуская,
 Где тлен и прах.

Так спит монахиня – вся в ночь
 Одета в чёрное – помалу
 Совсем теряясь, и по маслу
 Проходит нож.

Так страсть уносится вперёд
 Пушинкой, если отлетела,
 И камнем, чтоб оставить тело –
 Кто подберёт.

Так день с улыбкою скопца
 Творит, подмешивая глину,
 Лицо, не в силах воедино
 Узреть лица.

Так проще – в землю заронить
 Зерном, былинкою озимой
 То, что забыть необходимей,
 Чем сохранить.

Так торопись, и – чистотой
 Заворожённая, ты тоже
 Спасёшься, небо подытожа
 Своей чертой.

Ещё не бабочка, уже
 Не птица, ты, вспорхнув с ладони
 Пустой, истаешь там – на склоне,
 На той меже...

Перед грозой

Точно мёд брызнет влага из ветреных сот,
Но, чуть раньше, в мелькании мух и букашек,
Перед самой грозой занесёт небосвод
В несусветные дебри фантазий и красок,

Где вся радуга – чёрный и белый: все семь
Полукружий, оттенков, цветов и отливов,
Заполняющих гордо вознёсшийся шлем
Нависающих туч из прорех и порывов.

И нельзя уловить ни мгновения, чтоб
Ничего не менялось в ползущем объёме,
Чтоб застыл круто сваренный тёплый сироп,
Остывающий в близком сверканье и громе;

И тяжёлые тучи ползут на убой
И дымятся; и сахар теряют цукаты,
И в свинцовое тесто уходит мукой
Австралийская тучка из контурной карты;

И клубятся драконы, теряя хвосты,
И трясут головами согбенные вепри,
Низвергаясь, дробясь, нисходя с высоты
Мешаниной язычества и круговерти;

И громоздкие демоны в шелесте крыл
Белоснежных и ангельских, двигаясь краем,
Смотрят в облако, не выбивая стропил,
Словно в зеркало меж преисподней и раем. –

То, что было снаружи, то будет внутри. –
Затаись перед небом и миром примолкшим:
Что не знал, то узнаешь... Молчи и смотри,
Как ворочает высь языком пересохшим...

Август-сентябрь

*Неужели октябрь?
Саша Соколов*

Ужели август? Экая нуда
Идёт на ум не валко и не шатко.
Помыслишь «нет», а выдохнется «да»,
И выдохнется лето без остатка,

Как в сокровенной склянке эликсир,
Закупоренный пробкою со скрипом,
Как некий текст, зачитанный до дыр,
Однажды ставший кривдою и мифом. –

И подступает ближе благодать,
Где можно за неведеньем суровым
Утраченные запахи вдыхать
И поминать слова недобрым словом.

И здесь, в плену недели с небольшим
Довеском одиночества наглядно
Мной ничего не сеяно, за сим
И пожинать мне нечего, и ладно

Ещё, что так. И снова горек рот
Мой, точно Бога ради и дотоле
Уже не раз вкусивший от щедрот
На убыль нисходящего застолья.

То пролетит белянка, то у ног
Нырнёт кузнечик в омут разнотравья,
Озвучивая парой долгих нот
Заимку, прерываясь и картавя.

И цвет стремится к серому в сухом
Шуршанье злаков, выцветших былинок,
Метёлок, лап, склонённых косяком
Под ветром в рост без стёжек и тропинок.

И, розовую пену растеряв,
И там и тут мелькая и мельчая,
Волной скудельной высится из трав
Тягучий пух на стеблях иван-чая.

Всё ближе белый, видимый скорей
На ощупь, по наитью перед близким
Похолоданьем, без календарей
Читаемый не самым полным списком –

И медленно, но верно, и уже
Быстрее сутки, время не теряя,
Катаются несобранным драже
На месте вновь потерянного рая.

Мутнеет солнце, и на сто ладов,
Как бы томясь, прищуривает очи;
Ещё короче день до холодов,
Ещё короче и ещё короче.

Уже рукой подать до сентября;
Уйдут вчера и завтра, чем угодно
Не отличаясь. Знамо: от добра
Добра не ищут, хватит на сегодня.

Я не прощаюсь, зная, что не впрок, –
Ни с кем, ни с чем, но повторяю: «Здравствуй!...»
Трещи, кузнечик... Вейся, ветерок...
Туманься, дождь, застиранною рясой...

Строки травы**1**

Есть в безмятежности лугов,
В благоуханье разнотравья
Сумятица друзей-врагов,
Борьба за право и неправье.

Ни ветерка над полем, но
Покой – лишь видимость покоя:
Любой цветок, побег, зерно
Есть спор, побоище, погоня. –

Кто раньше, кто скорее, кто
Своею порослью слепою
Поймает луч сквозь решето
Таких же листьев над собою,

Кто первым сделает глоток
Перенагретой, мутной влаги,
Кто сможет выпростать листок
Из-под песка в глухом овраге. –

И нет ни устали, ни сна:
Всё – сон: на дни, недели, годы,
Но эта тихая возня
И есть гармония природы...

2

Горох теряется в овсе,
Жизнь измеряя не летами,
Но только летом и, как все,
Растёт, работая локтями...

Но даже у него в крови
Земной – до рокового часа –
Есть время, чтоб создать свои
Цивилизации и царства.

3

На тех и возят, кто везёт,
Но жить-то надо: над дорогой
Вверх мать-и-мачеха ползёт
На склон песчаный и убогий.

И хвощ, как нищая братва,
Поспел и здесь воткнуть без скрипа
Поглубже корни – где жратва,
А нет – так и на том спасибо...

И палит солнце их огнём,
И путник давит под пятою. –
Но спорит лист с небытиём,
И стебель спорит с пустотою...

Осени признаки явные...

Осени признаки явные
 Видишь на каждом шагу.
 Слышно, как падают яблоки
 В стареньком нашем саду.

Дальнее поле распаханно –
 Всё – из полос и заплат.
 Дверь ненароком распахнута
 На догоревший закат.

Можно простить и покаяться,
 Можно забыться виной.
 Вместе с тобой мы пока ещё,
 Ты ещё рядом со мной.

Помню себя каждой толикой
 Только твоим и ничьим.
 Пахнет зелёной антоновкой,
 Детством и небом ночным.

И расставаться не хочется,
 Но, словно загнанный зверь,
 Из темноты одиночество
 Смотрит в раскрытую дверь.

Стихи одного сна**1**

В теплушке уснёшь на товарных путях,
 В составе, весь день простоявшем по зною,
 И спишь, и какой-нибудь видишь пустяк,
 А поезд поехал, вихляя спиною. –

Уже он успел разогнаться, дрожа
 На полном ходу, и, не метя в пророки,
 Метается в клетке вагонной душа,
 Боясь ненароком отстать по дороге...

2

Ребёнком ты волен туда убежать,
 Где можно, как тёплый кусок каравая,
 За пазухой годы свои подержать,
 Себя – за глаза – в старике узнавая.

И смотришь, не веря, досужую быль,
 Что жжёт как вода ключевая в ушате...
 Проснёшься – и плачешь... И всё позабыл...
 И бабушка скажет: «Не спи на закате...»

Св. Георгий

Путь-дорога – через веси,
Спутаны следы.
Ночь теряет равновесье
От одной звезды.

Бесконечная погоня.
Выжженная мгла.
Воздух – смоль. Мокра попона.
Туги удила.

Здесь он, здесь – в гнилом бурьяне,
В чаде и в пылу –
Гад, свернувшийся на камне
В гладкую петлю.

И – ни звука, ни движенья...
Всхрапывает конь,
И приковывает зренье
Фосфорный огонь,

И поводит мордой бычьей
Яркое пятно,
Только мне его добычей
Стать не суждено... –

Отнесу к оврагу, к юру
На своей спине,
И сожгу сырую шкуру
На живом огне...

Пролесок

День, и два – и, желтея, пушится лоза,
В сладком бремени чуть опускаются ветки,
И бугры зеленеют быстрее, чем глаза
Успевают привыкнуть к забытой расцветке.

Подсыхает ручей, обрывая свой след
В частокле пролеска, шумящего сонно,
И в низинах цветы вылезают на свет,
Точно чудь белоглазая, щурясь на солнце...

Деревянный мальчик

Дерево пахнет деревом. Сгорбленный Буратино
 Балуется со спичками, точно Бородино –
 Это игра в солдатики. Если бы не рутина,
 Был бы и он пожарником ростом с веретено.

Он постигает азбуку, и на руке без счёта
 Колет иглой чернильною точечки перемен,
 «М» выводя, но буковка застопорилась что-то,
 Без завитка последнего выглядя буквой «N».

Он тормозит извилины, чешет сухое ушко,
 Смотрит на мир сквозь синие дырочки в голове,
 Но улетел в Монголию шарик, цветная тучка:
 Шитая белыми нитками братьями Монгольфе.

Дни, точно книгу пролистаешь...

Дни, точно книгу пролистаешь:
 Одно и то ж –
 Не знаешь – где же потеряешь,
 Где обретёшь...

Судьбы счастливая подкова
 Блеснёт на миг.
 Скажи: что есть во мне такого,
 И нет в других?..

Затянут чёрной пеленою
 Остаток дня.
 Что потеряешь ты со мною,
 Забыв меня?..

Не хочет бешеное лето
 Повременить,
 И устаёшь искать ответы
 И находить.

И ты за мною повторяешь
 Святую ложь:
 Со мной ты больше потеряешь,
 Чем обретёшь...

Поехали со мной

Поехали со мной от этих будней,
Не спрашивай куда... Махнём вдвоём,
Я сам ещё не знаю, где мы будем
Сегодня ночью или завтра днём.

Но всё-таки поедem – без привычки,
Без прошлых лет, завязанных узлом:
Уже идут к вокзалу электрички,
И есть билеты в кассе за углом.

Не сетуй на знакомые приметы:
Мир и сейчас реален, как вчера, –
Из тыквы я не делаю кареты
И не сажаю крысу в кучера.

Как ты светло смеёшься, недотрога!
Там, где в просторах прячется жильё,
Для нас двоих оставлена дорога,
И ты с улыбкой ступишь на неё.

Вот-вот – и наш вагон сквозь снег кромешный
Качнётся – и уйдёт за окоём...
Поехали до станции конечной:
Костёр зажжём и посидим вдвоём.

Позабудь

Позабудь хотя б на миг о жажде,
Белый свет испив, как молоко. –
Уходи туда, где солнце жарче
И сильнее сердца моего.

Безоглядно, ни о чём не споря,
И уже спокойно и легко,
Уходи туда, где зелень моря
Бесконечней взгляда моего.

И – покуда день пригож и светел,
И – доколе ты светлее дня,
Уходи туда, где даже ветер
Трепетней, чем губы у меня.

Уходи – туда, где на просторе
Золотится солнце в вышине,
Где тебе ни ветер и ни море
Ничего не скажут обо мне...

Часы**I**

Кой-как темнеет до пяти
И старше; мелкие монеты
Звенят в кармане; взаперти
Куда сговорчивей предметы.

Завязан город. Два шнурка
Рисуют карту Одиссею,
Сужая петли, и рука
С тоской поглаживает шею.

Окрест, куда ни плюнь, видны
Следы разора. Бедолаги
Жуют трофеи. Ход войны
Так и остался на бумаге.

Корабль уходит. Общий вид
Развалин гонит восвояси,
И снова волен алфавит,
Развитый до славянской вязи.

Вповалку брошены мечи.
Елена спит и иже с нею...
Какая Троя... Не смеси. –
Скромнее нужно быть, скромнее...

II

Потёмки мерно ломают плоть.
Крошатся тени, словно грифель.
Неужто так легко Господь
Оставил землю на погибель...

Дождит, как до прихода жаб...
Срывая душную удавку,
День отдаёт последний залп
И рокируется под лавку.

Ату его!.. Знай свой шесток...
Толчётся матовый суглинок,
Непредсказуем и жесток
Всеядный сговор половинок.

И, обнажаясь, жирный пай
Ждёт соучастия, и только
Костяшки, лёгшие впотай,
Искрят источниками тока.

Трухою крошатся, как шлем
На голом черепе, чернея,
Дома в соитии со всем,
Что окружает их, точнее –

С брезгливой моросью, с пальбой
Глухонемых огней в осаде,
С луною, с жадною трубой,
Коптя, пристроившейся сзади.

Пс-с-с... – обмякают позвонки
Углов, и с некоторой мукой
Фасады жухнут, как венки
С лица, шатаясь под мухой.

По ветру хлещется лоза,
Гниют разменянные сотни,
И подведённые глаза
Блестят из каждой подворотни,

И голоса на все лады,
И въяве рыхлая порода
Связует голые следы
Кочевья, морока, исхода...

Нет счёта, сколько здесь пройдёт,
Изыдя, тяжких толп, заранее
Сумев, как в голову взбредёт,
Свои оставить очертанья...

P. S.
Смываются водой
Глаза и нос на фоне чёрном,
Костюм сидит, как заводной,
На господине обречённом.

На сон грядущий госпожа
Читает мятую, как скатерть,
Газету с меткой от ножа,
И крошки сыплются некстати.

И не выходит по уму...
Их час отложен в долгий ящик,
Но дела нету никому
До этих нежностей телячьих...

III
Теплеет... В зареве вершин
Стволы стыдятся человека,
И гулко, как пустой кувшин,
Жилища скрадывают эхо.

На дне по капле собрались
Цветные пятна, и рискуют
Узнать, что краски стоят лишь
Тогда, когда они рисуют...

Клубится выдохшийся пыл
Минувшей травли... Плотник рыжий
Навырост вычертил распил
На комле, чтоб закончить крышей.

Теплей... Теплее... Горячо...
Почти расплывшись между весей,
Крест обозначенный ещё
Иных не знает соответствий.

На стёклах теплится испод
Деревьев чёрных... Некто, стоя
К себе лицом, занёс щепоть
Над преклонённой пустотой, –

И простирается гора,
Втянув бесплодную подошву,
И столб под звуки топора
Врастает в каменную почву,

И Слово, вырвавшись из уст,
Уходит к жаждущим над чашей...
Исус сладчайший, Исус
Сладчайший, Исус сладчайший...

Дождливая ночь**I**

Шуршала ночь листвою за окном.
Горела лампа в жёлтой полудрёме,
И низкий свет, разлившийся пятном,
Сводил на нет предметы и объёмы.

И тяжело клонилась голова,
И, в круг сбиваясь крапинками пыли,
Передо мною строчки и слова
Как бабочки ослепшие кружили.

Они мелькали рядом – у лица,
Не выбирая первых или крайних. –
Казалось бы – возьми, но лишь пыльца
Слетит душою с крыльев бездыханных. –

И я уже не мог собрать в одно
Их маяту, томление, биенье,
Как время, что, увы, обречено
На долгое молчанье и забвенье.

И был ответ, но горек был ответ,
Лишь мотыльки, очерчивая дали,
Слепые и незримые, как свет,
Словами гасли, но не улетали...

II

А ночь текла и зеленью окрест
Давилась, пережёвывая вены.
Дождь выжидал и переменной мест
Не соблазнялся – по обыкновенью...

Стекло чуть содрогалось, и в ногах,
Уже за ним, дрожала тень машины,
Упёртая в дорогу – в пух и прах,
Отобразив зеркалом морщины.

Чуть выше – тополь гладкою листвою
Дышал в потёмках запахом сивухи
От ничегонеделанья, от той
И этой жизни, свалки и прорухи, –

И трепыхалась крона на скобе
Медведицы, разорванной на части,
Как жизнь, что оставляет по себе
Последний вздох людского безучастья.

III

Давай, давай, орудуй топором,
Чтоб вырубить – чего и нет в помине...
Заморосило, и трескучий гром
Сползает вниз, сломясь посередине.

Толчёт стекло тягучая вода,
Не омывая, только засекая
И замутняя – листья, провода,
Дома и дождь – от края и до края. –

О, как легко сказать и отпустить,
Тянуть слога, проглатывая лето,
Знать и не знать, проститься и простить, –
Искать ответ, но не давать ответа...

Первая осень

1

Осенняя каша. Пустые усадьбы.
 Рябой кабысдох, ковыляя со свадьбы,
 Глазами грызёт подворотню, в которой
 Один он такой откровенно матёрый,
 И взгляд выдаёт в нём – короткий, как притча, –
 Наследного принца.

И горек настой отсыревшей округи –
 На слёзной поре, на беспечной прорухе
 Небес, обносившихся стен, околотка,
 Живущего пристально, если не кротко,
 Где грязь перемешана, точно сохою,
 Сама же с собою.

2

Два-три перекрёстка. Машины и люди
 Размеренно делят пространство, по сути
 Ни тем, ни другим неподвластное, ибо
 Всё временно, и злополучная «рыба»
 Никак не получится. Нужно стараться
 Идти, чтоб остаться.

Остатки тепла вытравливаются бегло
 Добротную моросью... Гнутые кегли
 Похожи на тучи, протечка которых
 Закрыта зонтами под вкрадчивый шорох,
 И дождь выбирает, зависнув над телом,
 Меж частью и целым.

3

Итог не предвидится... Здесь, у ограды,
 Едва ли отыщешь то самое, ради
 Чего и заварена каша на годы.
 Жизнь длится. Меняется сводка погоды,
 И надо расхлёбывать полною жменей
 Доставшийся жребий. –

Идти по зарубкам с немолчным потоком,
 Уже надоевшим, и здесь же, под боком, –
 Скользить в никуда, растекаясь со всеми
 В витрине, как плавные тени в Эдеме,
 Теряя из глаз отраженья походки
 Заезжей красотки.

Захолустье

Заснеженный район... Понурый ветер
 Гуляет взаперти, держа по струнке
 Окрестности, знакомые под вечер
 Плюс-минус сутки.
 Фонарь горит когда ему охота,
 Переходя в одно мгновенье ока
 В созвездие Тельца от пешехода,
 И одиноко
 Густеет ночь, разлитая неровно
 По улицам, исхоженным когда-то
 И вдоль и поперёк, коротким, словно:
 Целую, дата
 И подпись в уголке листа, и можно
 Читать сначала – бегло и невнятно –
 Фасады, освещённые дремотно,
 Когда ненастно.
 И общий фон доступного, лишённый
 Размера, ритма, знаков препинанья,
 Коробится под взглядом, отрешённый
 От поминанья,
 Но номер дома, след, другая метка
 Дают возможность, отойдя от быта,
 Припомнить то, что не имело места,
 Но всё же было.
 Теряемое при отсчёте «раз-два»
 Ещё восстановимо – без рутины,
 Тем более что всякие пространства
 Консервативны,
 Что позволяет сбиться человеку,
 Внушая состояние покоя,
 Повторного вхожденья в ту же реку
 И всё такое...

Развалины, оставленные нами,
 Стираются по памяти, попутно
 Безмолвствуя под мёртвыми огнями,
 И слишком трудно
 Оберегать в себе, сочтя исконным
 Бесследно погребённое стеною,
 И в пору новолунья быть спокойным
 За остальное.
 Нет мест, куда нельзя явиться снова,
 Учитывая то, что изменилось
 Буквально всё: жильцы, окраска крова,
 И если мнилось,
 Что всё не так – испробовать, роняя
 Своё достоинство, когда жилплощадь
 Пересекает кошка вороная,
 Лоснясь, как лошадь.
 Отпущенное нам мы уместили
 В короткий срок, которого б хватило,
 Чтоб растянуть его до смерти, или
 Пока фартило:
 Ещё на жизнь – одну, две, три, четыре
 И далее... переходя за призму
 Судьбы, в ущерб сводимому к квартире
 Матерьялизму.
 Но это никого бы не задело,
 И было б даже скучно, что едва ли
 Могло произойти на самом деле,
 И лишь детали
 Напомнили б, что это уже было,
 И вам принадлежащее – не ваше,
 Как трещины в очищенной от ила
 Античной чаше.

Утрату обретённого и меру
 Происходящего осознавая сразу,
 Вначале, и, привязанные к месту,
 К чужому глазу,
 Мы жили вопреки – и днём, и в полночь
 Об этом забывая, но идея
 Идёт к себе же, чтоб своё исполнить
 Собачье дело.
 Остатки декораций в эту повесть
 Уже не добавляют вдохновенья,
 Но, в общем-то, здесь неизбежны, то есть
 В пределах зренья
 Расклад не в пользу слов произносимых,
 А целиком идёт от геометрий
 Горбатых улиц – вымученно синих,
 Как их не меряй
 Шагами – всё одно и то же, и безмолвье
 Для действующих лиц равно провалу,
 И сердце, разбиваясь на бемоли,
 Сдаёт помалу,
 И проще сдать колоду, где все дамы
 Известны и флиртуют с королями
 По-честному, в марьяжной паре, дабы
 Сойтись ролями.
 Боящийся стать белою вороной,
 Линяя, выбирает цвет заранее,
 И дерево теряет вместе с кроной
 Своё названье,
 При этом не теряя только сути,
 И коротая в чёрном теле ночи,
 Спокойно спит оставшиеся сутки
 Без чувства порчи.

Ни впереди, ни сзади, за спиною,
 Нет никого, кто мог бы двигать ноги
 Под перезвон, роняемый струною
 Ночной дороги.
 Квартал дыряв, как сыр, что видно лучше
 На срезе, где, не попадая в рапорт
 О происшествиях, влетает в лузы
 Последний транспорт.
 В разгаре шабаш мрака, и нагими
 Стоят его свидетели, и кряду
 Стекают при достаточном нажиме
 В сплошную кляксу.
 За пустырьём над грязной кучей щебня
 Луна в анфас привалена к ограде,
 И лампочкою Ильича ущербно
 Маячит сзади.
 Мысль чаще эфемерна, слово – рыхло,
 И для того, чтоб сказанное устно
 Уравнивалось, ищется не рифма,
 А захолустье –
 Так, чтоб не возвращаться... И увидишь –
 Строенья, реку, снег в промёрзшем русле
 Да улицу Урицкого, где идиш
 Звучит по-русски.

Из Э. Мунка

Двое: чёрный точно сажа,
И второй – белей муки –
В стороне сидят от пляжа,
Где толпятся рыбаки.

Видно, срок ещё не вышел,
Чтоб в ладонях, как гроши,
Просчитать копилку чисел
Человеческой души.

Возле ног вода резвится,
Чайки цепкие снуют...
Час пробьёт, и всё решится:
Двое встанут и пойдут.

И уже до них доносит
Ветром крик в толпе и гул.
«Что случилось?» – кто-то спросит.
Скажут: «Мальчик утонул...»

Посередине зимы

Остановись, бредущая к зиме
По снегу снов, простых – до немоты.
Когда б ты рай искала на земле,
Я б знал – где ты.

Твои уста прозрачны, как вода,
И честь твоя не знает слова «честь»,
Но только то, что есть не навсегда, –
Всегда и есть.

И тот твой враг, кто рядом, на штыке
Несёт любовь, и что ни говори –
Метель твой след сжигает на стекле...
Гори... Гори...

Обманчив снег. Закончены пути. –
Но по привычке вторится: «Аз есмь...»
А то, что мы пытаемся найти,
Давно не здесь.

И всё же – глянуть вспять благоволи –
Туда, где смертны люди и дела...
Когда б я ведал помыслы твои,
Я б знал, где я...

А тут – светло... Поскрипывает дверь,
Да пусто по сусекам и углам...
Когда увидишь ангела – не верь
Его крылам...

Бывают дни...

Бывают дни пронзительного счастья,
Когда, уже почти сойдя на нет,
Душа не разрывается на части,
Но воедино связывает свет,

За тенью жизни – призрачной и длинной –
Скрывает и безверие, и зло,
И трещины замазывает глиной,
Как ласточка разбитое гнездо.

Вьюнок

Цепляясь за щебень, лежащий у ног,
За чёрную грязь просмолённого бруса,
Под самые рельсы подсунул вьюнок
Свои граммофонные белые блюдца.

И дружно плетётся зелёная нить,
На свет прорываясь из сумрачной глины,
Пытаясь обвить, задушить, окрутить
Железки и насыпь тщетой паутины, –

Хватается, тянется с разных сторон,
Цветками и листьями живописуя
Дорогу, но каждый молчит граммофон
И музыку вынужден слушать чужую...

Тени

Что ж ты ищешь смятенные тени за мной –
Там, где кроме теней ничего не бывает, –
В днях, которые я ощущаю спиной:
То их свет заливает, то тьма затмевает.

И они далеко, точно души в раю,
Но не раз им ещё пролетать надо мною,
Рассыпая осеннюю память мою
Золотою листвою и прощённой виною.

Двое

Полночь мается под лапой
Темноты и звёздных линз,
Только светятся под лампой
Очертанья близких лиц.

Пусть остынет в чашках кофе,
Пусть присядет НЛО,
Но она в пурпурной кофте
Будет дома у него.

Шёпот скрадывают ставни,
Еле сдерживая дрожь...
– Я тебя здесь жить оставлю,
Даже если ты уйдёшь...

Длится пауза, как танец,
Как отточенное па...
– Я с тобою жить останусь...
Проводи меня... Пора.

И – пока пустынна стёжка,
Им – до видимой черты –
Кулаком грозит в окошко
Сонный мир из темноты.

Христос воскрес!

Преумножает пашня плод,
Что умер, падши ниц со стебля.
Жизнь понимает свой черёд,
 Восстав из пепла. –

И солнце благостно, и плоть
Чиста, очистившись от стужи.
Не оставляй, храни, Господь,
 Наш мир и души. –

Незрим среди листвы и трав,
Ты – здесь – как свет, как вешний ветер,
Своею смертью смерть поправ –
 Высок и светел.

И дольний прах, что скрыт во мгле,
Восходит отзвуками речи
Навстречу солнцу и земле:
 «Христос воскрес!..»

Казалось: вся жизнь впереди...

Казалось: вся жизнь впереди.
Коль молод – плевать на потери.
Но шёпот твой: «Не уходи» –
 Меня удержал возле двери.

С тех пор пролетели года.
Я столько оставил и вышел
Из столько дверей – в никуда,
Но слов этих больше не слышал.

Давно отшумели сады,
Давно уже выросли дети,
Но шёпот твой: «Не уходи» –
 Ещё меня держит на свете.

Камешки

В присутствии твоём, в тебе самой,
В прикосновеньях к датам и предметам,
Есть некий знак, оставленный судьбой,
Но я не знаю, что мне делать с этим. –

И нет тебя, но твой замечу штрих,
Необъяснимый видимой причиной,
Как в камешках прозрачных и сухих –
Взгляд тьмы веков, оставленный пучиной.

И видится иным – как сад ветвей –
Непрочный мир, склонившийся над нами,
Что – заслоняясь нежностью твоей –
Не называет вещи именами...

Из пыли дней...

Из пыли дней, из суеты сует
Рождается, терзается, клубится
И ищет слов ненаречённый свет,
В самом себе стремясь не ошибиться.

Но улетает молния во тьму,
Клинком пересекая прожитое,
Там затихая, где цена всему –
Молчание... молчанье золотое.

Перепутья

Ты говоришь: «Я взрослая...» Скорее,
Ты и права: куда ещё взрослей...
Ты можешь, если хочешь, быть мудрее,
Чем стреляный по жизни воробей.

Вопросы, от которых нет покоя,
Которые то точат, то клюют,
Тебя не испугают пустотою,
И простотой решенья не убьют.

И всё-таки, толкуя односложно
От «А» до «Я» – «арбуз» или «январь» –
Букварь до дыр затёрт, и невозможно
Понять, постигнуть старенький букварь...

По большаку, по ровненькой бороздке,
Казалось бы, идти бы да идти,
Но по бокам – развилки, перекрёстки
Нашёптывают новые пути...

Ты взрослая, но, путаясь в минутах,
Среди забот, веселья и обид,
Судьба твоя на этих перепутьях
Как маленькая девочка стоит.

Март ещё одаряет снегами...

Март ещё одаряет снегами,
И – как будто – весна не про нас.
Добродушно хрустит под ногами
Белоснежный нехоженный наст.

Распахнули зелёные полы
Ёлки-палки по тонким стволам.
Большаком перерезало поле –
Точно белый ломоть – пополам.

Даже воздух согрет по-иному,
Растекаясь по снежным грядам,
Где начало и раю земному,
И людским непочатым трудам, –

Где за каждую грязной дорогой,
Потерявшей течение лет,
Открывается – чистый, широкий,
Вешним солнцем обласканный свет.

Средь заснеженного края...

Средь заснеженного края,
Глядя вниз из-под руки,
Ночь склонится, рассыпая
Так и этак огоньки.

Сто дорог сойдутся в точку.
Мгла. Посёлок. Глухомань.
На протоптанную стёжку
Месяц светит сквозь туман.

Еле-еле звёзды брезжат,
И все вместе, заодно
В темноте собаки брешут
Неусыпно, озорно...

Коротаешь, как умеешь,
Время в сонной духоте.
Топишь печь и чайник греешь
На расхристанной плите. –

И опять, опять подспудно,
Как натянутую нить,
Осязаешь то, что трудно
И понять, и объяснить:

Мир сужается, при этом
Расширяясь, и малы
Для него и мрак со светом,
И прямые, и углы, –

И уже кругом – ни тени,
Ни тропинок, ни дорог:
Только ты, да эти стены,
А вокруг – простор и Бог.

Посмотришь вспять...

Посмотришь вспять – а всё уже пропето.
Ткёт паучок одежду тишине.
Перетекает в осень бабье лето,
Лишь холодок проходит по спине.

Зима катит в глаза, но и тем паче
Мне дней не жаль, сгорающих дотла,
Пока у жизни есть ещё в запасе
Хотя бы искра Божьего тепла.

Поэзия

Опять приходишь ты, ступая
Невнятно, кротко –
Поэзия, – моя скупая,
Чужая тётка.

Что нам делить с тобою?.. Горек
С любого бока
Твой хлеб, и только тем и дорог,
Что он от Бога.

И грустно знать, что дар твой странен,
Спрос – не лоялен,
А гений Игорь-Северянин –
Не гениален.

Расстаться

Уж если придётся расстаться
С тобой, то, меняя места,
Я там бы хотел оказаться,
Где ты, точно ангел, чиста,

Где ты беспечальней и строже,
И в медленном шелесте дней
Твой мир бесконечно моложе,
Добрее, спокойней, мудрей.

Там пчёлами солнце играет,
Как девочка, в листьях травы,
И платье едва прикрывает
Худые колени твои.

Там правду на ложь не сменяешь,
Не вычеркнешь годы в судьбе,
Там ты совершенно не знаешь
Ещё ничего о себе...

И надо ли... Эка досада, –
Когда в суматохе земной –
Есть ты, есть цветение сада,
Цветение жизни самой!

Там чистая синь небосвода.
Там столько надежды в груди...
Там нет ничего... Лишь свобода...
И целая жизнь впереди.

И тихое утро наступит...

И тихое утро наступит, и капли дождя,
Теряясь, сольются с травой, песком и асфальтом.
Наклюнется розовый в тучах, скатившихся, да
Вот так и повисших – белёсым, как пыль, фолиантом.

И небо очистится, сизую, тёплую глубь
Подставив глазам, раскрывая их мало-помалу,
Слепя, будоража, касаясь испариной губ,
Мгновением ока всю жизнь уподобив обману, –

Когда понимаешь, что нет ничего за душой,
Что нет ничего, кроме выпренной выси и бездны,
Которых нельзя удержать, подчинить, и чужой,
Иной глубины невозможно постичь, как ни бейся.

И жаль мне всего из того, чем я был, но не стал,
Того, что любил, отдаваясь всё дальше и дальше,
Того, что искал, что терпел, что терзался и ждал,
Но так и не взял, и не вытерпел, и не дождался...

Мне жаль, и мне больно смотреть в распростёртую высь
Раздавленным взглядом, размазанным серо-зелёным
По синему, – чистому, светлому, хоть удавись, –
Смотреть в никуда пред пустым, как ничто, небосклоном.

Мне жаль, но – колеблется утро на птичьем крыле,
Колышет листва неподатливый контур покроя,
И вновь остаётся ещё невесомой земле
Чуть-чуть тишины, и хотя бы немного покоя...

Вера, Надежда, Любовь

В день такой-то, в сумрак серый,
В снег, колючий до заноз,
Люба с Надею и Верой
Оборвут дверной звонок.

Им открою – в трезвом виде,
Но поеду, как на льду...
– Раз пришли, так заходите:
Что я – чаю не найду?..

И они гуськом, играя,
Залетят в озябший дом,
Незаметно согревая
Стужу в сумраке пустом.

Защебечут неуклюже
В малокомнатном раю,
И с изнанки, и снаружи
Жизнь потрогают мою,

Развернут, смеясь и плача,
Посоветуют, как быть:
«Это – нужно бы иначе,
Это – стоило б забыть...»

Я киваю девам вещим,
На часы смотрю и дверь, –
Ну зачем лапшу мне вешать...
Как иначе-то теперь?

Но неясны их ответы,
Только шёпот озорной
Да сиреневые ветры
Кружат, кружат надо мной...

И исчезнут в зимней хляби,
Каждым часом дорожа...
– Кто такие эти бабы? –
Спросит близкая душа.

Раз уходить...

Раз уходить – так лучше лесом,
Когда один и налегке,
Чтоб огоньки по чёрным весям
Скорей пропали вдалеке,

Чтоб прочь дорога уводила,
Чтоб даже след её простыл,
Чтоб ты скорее то, что было,
Забыл, а значит – и простил.

А повернёшь – идти не сможешь
Назад, к знакомым голосам,
Лишь иссечёт листва наотмашь
Тебя – с оттяжкой – по глазам.

И тени сгрудятся в просветах,
Где от беды и до звезды
Колючей проволокой веток
Твои затянуты следы.

Степь

Курганы. Муторная даль.
Нить паутины...
Хвалёный мир не избежал
Своей кончины.

Обломки стрел, остатки стен,
Где и поныне
Разбитый мрамор ищет тень
Среди полыни,

И кости прячутся за щит
Под стать отрепью,
И беркут пристально кружит
Над влажной степью...

Ещё не раз, сойдясь, как дым
В кромешной каше,
Мы вольной воле отдадим
Законы ваши,

И, вознося вокруг холмы –
За грудой груды,
Степь будет там, где будем мы,
А значит – всюду...

И конь, продавливая грязь,
Летит за ветром,
И скачет дикий скиф, смеясь
Над дряхлым веком...

Предзимье

Предзимние поля. Посеянное – сжато...

Светло и стыло...

И густо ляжет снег – вот-вот, сегодня-завтра

В стерни пустые.

Умершее зерно – обильно или скупо –

Свой путь свершило,

Чтоб всё начать опять – с разомкнутого круга,

Всё – как и было.

Рябая тишина. Окраина предместий.

Сырое поле.

И стыло и светло, и потому заметней

Грань – до и после.

Просторам нет числа – и, затаясь, под ними

Лежит стихия. –

И это – мы... Единое дано нам имя,

И мы – Россия...

Свой крест преодолев, земля должна воспрянуть,

Пройдя сквозь муку,

И с нами будет Бог, когда мы сможем глянуть

В глаза друг другу.

В единое сходясь, стоят земля и небо –

Здесь, и в грядущем.

Здесь место всем – живым и тем, кто смотрит немо

Вослед живущим. –

И мне, земля моя, в твоих исчезнуть далях,

Но как знаменье

Бессмертья твоего – возьму последним даром

Иное зренье.

Молния

Она – безжалостно свободна,
Нет равных ей. В мгновенный срок
Она – и здесь, и где угодно...
Порыв, свечение, бросок.

Она спешит, не зная меры,
Ей нестерпимо скучно тут,
Где, как один, все кавалеры
Непоправимо отстают,

И только следом, как ведётся,
Глядят и щурятся... Она
Ушла – и больше не вернётся.
Черна у молнии спина...

Чистка снега

Всё... От снега теперь не уйти.
Как легко его сбросило небо!
Снова встретятся наши пути,
И мы белыми будем от снега.

И я знаю, но я не боюсь,
Что сегодня ты станешь другою.
Я дорожки расчистить берусь,
Чуть не следом идя за пургою.

Но уже не понять мне сейчас,
Средь сугробов, лежащих бескрыло,
Как земля эта раньше звалась,
На каком языке говорила...

Зимние огни

Жгут огни на рождественских ёлках,
Пахнет хвоей в подъездах пустых...
Где-то рядом, уже на задворках,
Затаившийся праздник притих...

В новом платье, подобная звуку,
Что, тоскуя, рождает струна,
Ты на кухне на скорую руку
Соберёшь что-нибудь для стола.

Время тянется... Пёстрая штора
Приглушает звучание слов. –
Как пропеллер закрутятся скоро
Неподвижные стрелки часов.

И смешается сумрак со снегом:
Ни узнать, ни забыть, ни позвать...
Потому ли ты с вызовом неким
Разрешаешь себя целовать? –

Потому ли мне больно и колко
Быть с тобой, но и знать, что судьба
И в отпущенный срок ненадолго
Позволяет уйти от себя...

Будь со мной... Будь как крестная ноша,
Я и так получаю займы
Каждый час у отчаянной ночи,
Не вместившейся в стужу зимы...

И останется в памяти прежним
Этот год и огни по зиме...
Но таким – и счастливым, и грешным –
Я не буду уже на земле...

Белые улицы

Наши встречи начертаны снегом:
Не узнать ни единой черты, –
И метель переменчивым бегом
Не спеша замечает следы.

И неведом исход поединка
За себя, и у всех на виду –
Только снег, только снежная дымка,
И слова, как костёр на ветру.

Всё ей мало, зиме, как ни прочишь,
А повсюду – нехоженный наст, –
Всё позволит – чего ни попросишь,
Да назад ничего не отдаст.

И метёт, и метёт... Тлеет утро,
И теряет остатки примет,
И стоим мы с тобою, как будто
Лишь сейчас появились на свет. –

Но я знаю, как всякий безумец,
Что среди перемётных снегов
Белый бог замороженных улиц
Не оставит своих должников...

Два витязя

Сузилось небо, как сеть.
Сжалась звенящая высь.
Там и сошлись, где не грех умереть.
Только на том и сошлись.

Накрепко сшиты копьём и мечом
Жизни и смерти края.
Первый спросил у второго: «А в чём
Верная правда твоя?»

И он услышал в ответ тетиву
Жгучую, как суховей:
«Правда моя – что пока я живу –
Правды не будет твоей».

Он шёл в ночи...

Сергею Карачакову

Он шёл в ночи, черней, чем дым
Над прахом деревень,
И тьма лежала перед ним,
Как собственная тень.

Он шёл быстрее, чем время шло,
Быстрее, чем мог идти...
Пустое, мёртвое село
Лежало на пути.

В дом постучал, но звук во тьму
Прочь унесли ветра,
И не открыли дверь ему
У этого двора.

Стучал он в дом другой, и вновь
Стучался в третий дом,
Но стук проглатывала ночь
На много вёрст кругом.

Холодным ветром пальцы жгло,
Но и в домах других
Они не слышали его,
И он не слышал их...

И тяжелела на плечах
Ночная круговерть,
И каждый звук, и каждый шаг
Был обречён на смерть.

...Он уходил на шум реки,
Как будто в мир иной,
И зажигались огоньки
В окошках за спиной.

Ангел

Пред собой я так близко увидел чело
Золотое, как свет, и благое, –
И одно – точно солнце – горело крыло,
И синело, как небо, другое.

И ничто не смущало саднящий покой,
Лишь лучи расходились тугие.
Я спросил у него: «Почему ты такой...
Почему твои крылья такие...»

Я тянулся к нему, словно пыль на стекло,
Можно было потрогать рукою
И одно, что горело как солнце, крыло,
И, подобное небу, другое.

Но исчез он, и меньше не стало огня,
Лишь рассыпалось ветром горячим:
«Я такой, чтобы ты не увидел меня
Меж землёю и солнцем парящим...»

Полночь

Посмотри из окна на дорогу,
Новый день начиная с нуля,
На стоящие неподалёку
В ночь измаранные тополя.

Различи, как по капле впиталась
Темь в светящиеся пятачки –
Сон земли притупляет усталость,
Углубляющуюся в зрачки,

И, теряя последние чувства,
Дышит обмороком полыньи,
Ну а если ты хочешь очнуться –
То над крышами взгляд подними:

Там, на блюдце в лиловом сиянье,
Безнадёжно сорвав тормоза,
Пролетают сейчас марсиане
И тарачат шальные глаза...

Не прошу

Ни тепла не прошу, ни покоя.
Пусть и холод наступит, но – твой.
Пусть ненастье твоё всеблагое
Над моей прошумит головой.

Реют тучи, как хищные птицы.
Дождь стучит и стучит по окну, –
Но ненастье твоё – как затишье,
И твой холод подобен огню...

Среди проталин

Я ничего не жду среди проталин –
Идёт ли снег, иль лужи метит дождь,
Но завтрашней тебе я благодарен
Хотя б за то, что ты ещё придёшь...

От кончиков волос твоих и взгляда
До твоего умения дышать –
Тебя мне и удерживать не надо,
Но всё равно тебя не удержать...

Ты можешь быть любой – какой захочешь,
Но что ни делай, что ни говори –
Вслед за собой вчерашней ты уходишь,
Как между пальцев – волосы твои...

К тебе

На что мне уповать, когда настолько
 Нестроен мир, расплывшийся, как осыпь. –
 Как близорукий, потерявший стёкла
 Своих очков, я двигаюсь на ощупь,

И тем острее чувствуется разность
 И измененье путеводной нити,
 И более походит на реальность
 Обратный взгляд в себя с попыткой выйти

К тебе опять, и прежде чем умножить,
 Остановить твоё мгновенье, прежде
 Я поднимаю руку, и быть может,
 Так близко ты, что я коснусь одежды,

И медлю, и, нетронутая мглою,
 Ты ни одним движением не выдашь
 Отсутствие своё... Но ты – со мною...
 Закрой глаза – и ты меня увидишь...

Одинокая звезда**1**

Миную зданья мимолётные
 И во дворах, стоящих встык,
 След потеряют мой болотные
 Огни на улицах пустых.

И город выгнется, как молния,
 Но выше – в блеске тишины –
 Прозрачно небо – до безмолвия,
 До самой тёмной глубины.

И смотрит бездна вниз, при случае
 В полёте искру погася,
 Слепит – и не отводит жгучие
 Свои бесстрастные глаза...

2

Морозно, снежно, и сутулится
 Впотьмах троллейбус – и искрит,
 И укрывает полночь улицы
 Медвежьей шубою внакид...

Ты спишь при свете – не добудишься,
 Но будет путь мой одинок,
 И не захочешь – а заблудишься,
 Да и зайдёшь на огонёк.

Откроешь – заспанная, бледная,
 Оставишь, словно навсегда...
 Сегодня ночью ты – последняя
 На землю падшая звезда.

Мясоедов. Косцы под дурака

Вот поле, вот – колосья с позолотой,
Штыками подпирающие небо.
Пахать-пахать, пахать без передыху.
Сучит ногой кузнечик желторотый.
Вкус жита переходит в запах хлеба.
Балда краснеет, вспомнив попадыху.

Цвет сухостоя. Свежесть. Перебранка
Раздолья, духоты, небес и пыли.
Коса звенит мажором и минором.
В теньке, в кустах едва почата банка.
Балда поёт «По ягоды, грибы ли...»
Воняет луком, реже помидором.

И всё же – тихо... Лысая опушка
Мертвеет без растущего наружу...
Так косят. И меньшей идёт за средним,
А за меньшим плетётся мышь-норушка.
Так косят. И рассматривает душу
Коса у стебля, падшего последним.

Так косят. Так набрасывают петлю.
И не щадят. И любят. И сдыхают
Собакой под забором от угару.
Плюют на жар костра. И лезут в пекло.
И плачет феникс. И пересыхают
Моря и слёзы – солоньки на пару.

И печенег с оглядкою пьёт воду
Из Дона. И ведут рабыню к яме,
Чтоб положить на смертном одре с князем.
И украшают золотом колоду.
И укрывают плечи соболями.
И бьются оземь, обращаясь язём.

И пишут книги. И идут за плугом.
И крест кладут от сглаза и кикимор.
И открывают земли, где сурово,
Но вольно. И палят из пушки плутом.
И Соловьёв – седой, но он – Владимир...
А правды – нет, и нет другого слова...

Царь в голове, отечество и сека,
Плюс что-то там... Безветренно и сирю
Приходит осень. Шествуют матроны,
Довольствуясь и тем кусочком секса,
Что Бог послал, и тем кусочком сыра,
Что был когда-то где-то у вороны.

Гром не гремит. Мужик живёт при прежних
Разубежденьях. Глупо рвать рубаху.
Бунт – есть стена, по крайней мере – стенка.
Сим победиши... Полно. В этих песнях
Нет правды, что окрашивает плаху
В извечный цвет без всякого оттенка...

Пикассо. Девочка на шару

Я хотел бы, уподобясь, ну хотя бы Пикассо,
 Ну хотя бы Модильяни, говорить карандашом,
 Кистью, ищущей в предметах совершенства, ни за что
 Сам предмет не выставляя, словно куклу – нагишом.

Шелест крашеной бумаги упоителен и свеж,
 Холст с мазками осязаем, точно битое стекло,
 И глядишь на каплю охры, излучающую свет,
 Как Давид на Голиафа, изучая: кто кого.

Нет пророка в новом дыме над Отечеством, а там
 Не почувешь даже дыма на понюшку табаку, –
 Я хотел бы быть пророком по субботам и средам,
 А во вторник бить баклуши, лёжа дома на боку.

А в четверг – опять спросонок краски свежие читать,
 Подбривать подмышки статуй мановением резца,
 Мулевать, слюнявя грифель, повторяя: «Тять... а, тять,
 Что-то наши сети снова притащили мертвеца...»

А неплохо б разлинеить память в клеточку и снять
 Пару копий с безвозвратно обломившихся частей,
 С кой-каких оригиналов, чтобы нечего пенять
 Было впрямь на отраженье дамы пик вальтом червей.

Даже девочка, на шару приходящая, должна
 Цену знать живописанью, изучать его язык. –
 Так творится из пустого места если не жена,
 То работница культуры, уважающая цирк.

Потому-то этот милый, благородный экземпляр
 Человеческого рода впрямь всплакнёт и за меня
 Над неведомой зверушкой, над мельканьем хрупких пар
 Чистых бабочек, которым жить осталось до темна.

...Я стирал её, но снова почему-то рисовал –
 Зыбкой, ветреной, безгрешной, непутёвой и уже
 Не моей, как круг, как конус, как приплюснутый овал...
 Шесть дюймовочек плясали на моём карандаше.

Воробьи**1**

Морозит, и рукою ныне
 Подать до снежной ворожбы.
 А под ногами, как проныры,
 Снуют шальные воробьи.

И в круг – чирикающая, порхая,
 Чтоб ни зерна не дать врагу,
 Клюёт задиристая стая
 Кашицу крошек на снегу.

Не зная устали и страха,
 Задрвав голодные хвосты,
 И та, и та, и эта птаха
 Найдёт, чем душу отвести.

Они и раньше, хваткой мёртвой
 Вцепившись так, что не пройти,
 Клевали хлеб – насквозь промёрзший, –
 Не то чтоб вволю, но – почти.

И сердобольные бабульки
 Под воробьиный тарарам
 Крошили вымокшие булки
 По переулкам и дворам. –

И не вязали пояс туже,
 И жили – как заведено,
 Спасая собственные души
 И птичьи души заодно...

2

Снег лёг вразлёт, пленяясь ширью,
 Пронёсся, вырвавшись из пут...
 Теперь и птицам – не до жиру,
 Но – даст Господь – не пропадут.

...И посреди седого неба
 Идёт старушка вдаль и ввысь,
 Ещё решая: взять ли хлеба,
 Иль прошлой жизнью обойтись, –

Идёт, храня свою надею,
 Почти незримо – там и тут. –
 И воробьи кружат над нею
 И крошки белые клюют...

Собирай...

Собирай предпоследние крохи тепла,
Точно жёлтый горох, рассыпаемый зреньем.
Как пронзительно лето, что – точно стрела –
Во вчера устремясь, шелестит опереньем.

Это осень крадётся – опять и опять,
Как соседская кошка в пустые ворота,
Но цыплят не осталось, чтоб их сосчитать,
И я знать не хочу окаянного счёта.

Что осталось мне? – пыль улетающих дней,
Слабый, солнечный свет, не обретший зенита,
Тишина, как ничто, тишина и за ней
Воскрешенье всего, что, казалось, забыто...

Там, уже за плечами, напрасно маня
Неизбывною жаждой, с которой не сладить,
Там сегодня никто не оставит меня,
Да и я никого не сумею оставить.

И последние дни, уходя без следа,
Соскользнут по стеклу, сквозь знакомые лица,
Как случайные капли сухого дождя,
Что собрался пролиться, и всё ж – не пролился.

И я молча ловлю этот призрачный свет –
Отовсюду, где даже и не было света.
И опять – тишина да кружение лет
Под немое молчанье ушедшего лета.

Снега

Выйду в снежную глушь, на поля за излучиной старицы,
И останусь один на один с угасающим светом,
И потухнет за мной огонёк запорошенной станции,
Словно спичка в руке, и ещё раз мелькнёт рикошетом.

И сомкнётся покой над землёй, засыпающей походя,
И расступится небо до крайней, отчаянной шири...
Что здесь делают люди, какие подушные подати
Платят Богу они за своё пребывание в мире...

Тишина... И темнеет вдали за дорогой расхожею
Невысокий пролесок, неровный, как в записи нотной,
И мерцают снега – изнутри – под луною раскосую,
И колеблется искра холодной звезды полуночной...

На Москва-реке

Лёд трещит. Толпа теснится к плахе.
Проторили с берега тропу.
Человек в заношенной рубахе
Прожигает взглядами толпу.

Но, застыв, как будто перед дверью,
Он ещё засмотрится в зенит,
И себя за истинную веру
Он двумя перстами осенит.

И спадут тяжёлые оковы,
И лучами в дымке голубой
Воссияют ангелы Христовы
Над его воздетой головой,

И истлеют прелести и чары
Царствия антихриста в дыму,
И, сгорев, сомненья и печали
Новым светом явятся к нему,

И палач, качаясь точно пьяный,
Донесёт последние слова:
«Сукин сын... Покайся, окаянный...»
«О...» – отсеченная голова.

Красная рубашка

Где родились мы, там и сгодились.
То раздор, то разлад, то война...
Мы же в красной рубашке родились,
Только что ж наизнанку она?..

Что ж мы маемся в годы лихие?
Как же это случиться могло?
Мы же сильные. Мы же такие,
Что нам чистое поле – малó.

Нам немного для праздника надо.
И – в чаду неисполненных дел –
Нам земной окоём – не преграда,
И нехоженный путь – не предел.

Вот и снова, вскочив спозаранку,
Над разором, над чахлым жнивьём,
Мы в рубашке своей наизнанку,
Подбоченься, на праздник идём.

Лес гнал и связывал в одно...

Лес гнал и связывал в одно –
Вздыхая, вереща,
В себя, как в илистое дно,
Вмещающая всё и вся.

Ничто не значили слова,
Теряясь на лету,
Таясь, лишь изредка сова
Вздыхала в темноту.

И путь его был одинокий,
Почти незрим, как гром,
Как тонкий месяц, как дымок
Над хуторским двором.

Лишь темень ластилась к нему –
Сидел он или шёл...
Быть неизбывно одному –
Не худшее из зол.

Лес ограждал себя чертой,
Пока не рассвело, –
Всею рознью, всею полнотой
Единства своего.

Сплетали ветки решето
Над шелестом воды...
Кто смог уйти – тому ничто
Не свято позади.

И сквозь остуженный покой,
Сквозь гуканье совы,
Он вой услышал за рекой –
И понял: там – свои.

Поцелуй

Приоткрытые губы сухие
Дышат полночью... Только сейчас
Ничего не откроет стихия
Сверх того, что свершается в нас.

Ей – как равной в неистовой силе –
Мы свои оставляем следы,
Но сгорая, сердца не остыли,
Не приемля её слепоты.

Не узнать ей, клубящейся гладко,
Запирающей дверь на засов,
Как вмещаешь весь мир без остатка
Ты в расширенных точках зрачков.

Кратким сном наклонясь к изголовью,
Отстраняясь рассеянно прочь,
Не сумеет кромешной любовью
Обернуться кромешная ночь.

«Позабудь всё...» – бормочет изнанка
Белых улиц, вплотную к окну, –
Но про всё забывая, я знаю,
Что тебя не оставлю одну,

Не покину, храня ненароком
В те мгновенья, когда за троих
Ночь последним вливается соком
В плоть и кровь порождений своих...

Отвернись – нам не ведать той страсти:
За стеклом, на снегу, на плацу
Двух чудовищ горящие пасти
В искромётный слились поцелуй...

Вечерняя стража

I

Князь пирует, и в тереме стены гудят.
 День – к закату, но – буйно в хоромах, –
 Щедро ломится стол, а где пьют да едят,
 Там и слабый в коленках – не промах.

Сладко теплится мясо, хрустит каравай,
 Крепок мёд и заморское зелье. –
 Веселись, нищета! – знай себе, наливай,
 Оставляя глоток на похмелье...

И мутнеет холодный огонь заварух,
 Унимаясь во взгляде кагана,
 И мелькают дворовые девки вокруг,
 Точно стрелы из вражьего стана.

И – под занавес – князь не вникает в сыр-бор:
 Старый бог эту землю не бросил,
 Поделом и варяги ушли за бугор –
 На ладьях, да без вёсел...

II

Балагурит немного обмякшая рать,
 Заглушая рожки скоморохов,
 И народ, собираясь под окнами, рад
 Поторчать у высоких порогов. –

По-над капищем, где распускается сад,
 Прикорнув за смолистой оградкой,
 Деревянный Перун свой рассохшийся зад
 Вдругорядь потирает украдкой.

Свежей кровью испачканы губы, и сам
 Весь обрызган, но, видимо, мало
 Старику, потому как текло по усам,
 Только в рот ничего не попало...

Кое-как оплывает закат в вышине,
 Поменялась вечерняя стража, –
 И размеренно стонет колода во сне –
 Одиноко и страшно...

Ночь томила...

Ночь томила и качала,
Растекаясь, как вода.
«Не целуй в глаза, – сказала, –
Потеряешь навсегда».

Но, летя напропалую
В темень огненного сна,
Потому-то и целую,
Что разлука суждена.

Я жил не так...

Я жил не так, но я не мог иначе,
Пусть это счастья мне не принесло,
И признаюсь, что больше на удачу
Я полагался, чем на ремесло. –

И были дни, когда на всю катушку,
В который раз потворствуя другим,
Сама судьба с меня снимала стружку,
Но – жив курилка! – цел и невредим...

Я жил не так... И милые мне лица
Я оставлял за дымкой заревой,
И только осень вскидывала листья
Над обращённой к небу головой. –

Я жил не так... И ночи смоляные
В своей глуши мне предлагали кров,
И все свои сокровища земные
Я променял на горечь этих слов...

Я не назвал бы прошлое вольготным,
Но нет другого русла у реки.
И всё же счастье – пусть и мимолётным,
Но было – нам с тобою вопреки.

Долгая зима**1**

Всё темней, лишь окошко мерцает...
 Не пророчь ничего, не пророчь...
 Пусть короткую жизнь уместает
 Эта долгая, длинная ночь...

Догорят фонари, как лучины,
 Но за штору пробившись легко,
 Свет случайной, заблудшей машины
 Дорисует побелкой лицо, –

И помедлив, исчезнет, как россыпь
 Ярких искр на бескрайнем пути...
 Воскрешаю губами на ощупь
 Затенённые мглою черты. –

Засыпай... И смыкаются стены,
 И тотчас забываются сны,
 Только выются озябшие тени,
 На которые ночи вольны...

2

Ночь колеблется, словно пружина,
 От плеча отлетая к плечу,
 И дробится легко, без нажима,
 На поток бесконечных причуд:

То огнями исходит до срока,
 То метелью ожившей ворчит,
 И сухою рукою жестоко
 В побелённую стену стучит...

Открывать ей, спросонья шататься,
 Удивлённо стоять у дверей
 Перед стужей, сумевшей добраться
 До озябшей каморки твоей.

Беспорядок на всём, дымовуха,
 Но вокруг – накалясь добела,
 Разливается светлая вьюга
 Незведанных слов и тепла.

Их берут наугад, по наитью,
 И себе подчиняют, как воск,
 И сплетаются заживо нити,
 И ломается контур волос...

Ты со мною, пока не на шутку
 Кружат искры в огне золотом...
 Если б всё подчинялось рассудку –
 Что бы нас удержало вдвоём?..

А за стёклами ночь догорает,
 Застоявшейся дышит зимой,
 И бесшумное тело свивает
 Из рассыпанной сажки земной,

И по комнате ищет подобья
 Своеволий своих и потуг,
 Словно взгляд, что мелькнул исподлобья –
 И в измятой подушке потух...

Прощание

Напотешились, будет... Довольно молиться кумирам... –
Князь не шутит, но, видимо, гнев бережёт до поры,
И, возвысаясь над капищем, перед собравшимся миром,
Он глядит, как талдычат – во славу его – топоры.

И вот-вот брызнет кровь из-под щеп, и в смятенье великом
Ближе к пагубной круче отходит народ налегке,
И кондовый Перун, усмехаясь иссеченным ликом,
Закрывает глаза и безмолвно плывёт по реке.

Берег ропщет, ждёт чуда, толпится, и как для погони
Восходящее солнышко в воду глядит из-за спин,
И дитя прижимается к матери, фыркают кони,
И языческий оберег рвёт на себе славянин.

Седой родник...

Седой родник в прохладной чаще.
Вокруг – ни стёжки, ни следа.
Кто пригубил из этой чаши –
О том безмолвствует вода.

Блестит, как зеркало, водица –
В ней, истончаясь на веку,
Никто из тех не отразится,
Кто поклонился роднику.

Склонись и ты... В преддверье ночи
Рукой по глади проведи.
Жизнь коротка. Она короче
Глотка воды.

Содержание

Потаённое небо...	3	Ты приходишь дождём...	33
Кроны сосен	4	Облака	34
Верхний Судок	5	Безмолвны лес и сжатые поля...	35
Июльская гроза	6	Склонюсь у тропы...	36
Светлячок	7	Ночной звонок	37
Зной	8	Зеркало	38
Сирень	9	Жар-птица	39
Поздняя весна	10	Музыка	40
Скарабей	12	Капля	43
Из холодной зимней стыни...	15	Поэты	44
Черёмуха цветёт	16	Лю	46
Разлука	17	Перед грозой	50
Брянские волки	18	Август-сентябрь	52
Сальто-мортале	20	Строки травы	54
Чёрное и белое	21	Осени признаки явные...	56
Полутень	22	Стихи одного сна	57
Ирий	23	Св. Георгий	58
Октябрь	24	Пролесок	59
Дни без тебя	25	Деревянный мальчик	60
Люблю тебя	26	Дни, точно книгу пролистаешь...	61
Какой портной...	27	Поехали со мной	62
Пусть холодная тень...	28	Позабудь	63
В гости к дракону	29	Часы	64
Озеро	30	Дождливая ночь	68
		Первая осень	70
		Захолустье	72
		Из Э. Мунка	76
		Посередине зимы	77
		Бывают дни...	78
		Вьюнок	79
		Тени	80
		Двое	81
		Христос воскрес!	82

Казалось: вся жизнь впереди...	83	Лес гнал и связывал в одно...	124
Камешки	84	Поцелуй	126
Из пыли дней...	85	Вечерняя стража	128
Перепутья	86	Ночь томила...	130
Март ещё одаряет снегами...	87	Я жил не так...	131
Средь заснеженного края...	88	Долгая зима	132
Посмотришь вспять...	90	Прощание	134
Поэзия	91	Седой родник...	135
Расстаться	92		
И тихое утро наступит...	93		
Вера, Надежда, Любовь	94		
Раз уходить...	96		
Степь	97		
Предзимье	98		
Молния	100		
Чистка снега	101		
Зимние огни	102		
Белые улицы	104		
Два витязя	105		
Он шёл в ночи...	106		
Ангел	108		
Полночь	109		
Не прошу	110		
Среди проталин	111		
К тебе	112		
Одинокая звезда	113		
Мясоедов. Косцы под дурака	114		
Пикассо. Девочка на шару	116		
Воробы	118		
Собирай...	120		
Снега	121		
На Москва-реке	122		
Красная рубашка	123		

16+

Литературно-художественное издание

Серия : Лауреаты премии «Народный поэт»

Сорочкин Владимир Евгеньевич

ПОТАЁННОЕ НЕБО

Ответственный редактор Т. Евтеева

Корректурa: Н. Ильина

Вёрстка: Т. Упорова

Дизайн обложки: А. Москвичёва

Подписано в печать 00.00.2016

Формат 60х90/16

Бумага офсетная

Тираж 00 экз.

ООО «Издательство РСП»

127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1

Тел.: +7 (495) 215-14-25

www.izdat.ru